

В.А. ЗВЕРЕВ

**ОВОМУ ТАЛАНТ, ОВОМУ ДВА.
ОТЗЫВЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИЯХ,
ПОСВЯЩЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ РАЗВИТИЮ СИБИРИ**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Овому талант, овому два : отзывы официального оппонента о диссертациях, посвященных социокультурному развитию Сибири / В. А. Зверев // Актуальные вопросы истории российской провинции : темат. сб. науч. ст. / под ред. С. В. Кущенко. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. техн. ун-та, 2010. – Вып. 5. – С. 178–196.

В одной из своих недавних работ я высказал мнение о том, что имеет право на существование, хотя бы в скромных пределах, такой жанр научных публикаций, как отзывы официальных оппонентов, назначенных диссертационными советами, о диссертациях, представленных к защите на соискание ученой степени. Во-первых, такие отзывы можно рассматривать как авторские рецензии на широко обнародованные научные труды, ведь к новым диссертациям теперь имеется доступ через Интернет. Во-вторых, опубликование хотя бы некоторых, избранных отзывов можно считать формой обмена опытом официального оппонирования, а этот вид профессиональной работы ученых важен для развития науки. В упомянутой работе представлены три моих отзыва о докторских диссертациях по отечественной истории, защищенных в течение последних десяти лет¹.

Хотелось бы продолжить работу в облюбованном жанре. В данном случае для публикации выбраны отзывы о трех недавно подготовленных кандидатских диссертациях, проходивших по разным научным специальностям, но посвященных сходной проблематике. Их авторы исследовали различные аспекты социокультурного развития Сибири в XX – начале XXI в. Евгения

¹ См.: *Зверев В.А.* Еже писах, писах: страницы отзывов официального оппонента о диссертациях по истории Сибири // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. – Новосибирск, 2009. – С. 13–20.

Валерьевна Соколова защищалась по специальности «Отечественная история» в диссертационном совете при Омском государственном педагогическом университете; Дмитрий Владимирович Крупницкий – по специальности «Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение» в совете при Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН в Новосибирске; Андриан Юрьевич Охотников – по специальности «Этнография, этнология и антропология» в диссертационном совете при Институте археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

При подготовке к печати тексты отзывов мною сокращены. Опущены все или, по крайней мере, некоторые формальные элементы: заголовки разделов, указание страниц в диссертации или автореферате, итоговые выводы о соответствии диссертации требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» и пр.

Соколова Е.В. Формирование культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 23.10.08. Омск, 2008.

Диссертация Е.В. Соколовой имеет неординарный замысел: автор исследовал процесс формирования и развития тех социокультурных характеристик группы малых городов Омского Прииртышья, которые являлись специфическими для советского периода их истории. Не вызывает сомнения научная актуальность темы, изучение которой, собственно, начинается с появлением опубликованных работ и диссертации Е.В. Соколовой, но может быть продолжено в будущем на материале других регионов и страны в целом. Диссертация призвана внести вклад в решение бурно обсуждаемого сейчас в российском обществе вопроса об оценке роли советского государства (а также «советского» человека и ячеек советского общества) в модернизации России, в данном случае – в социокультурной модернизации городской среды в Сибири.

Научное исследование, замысел и результаты которого изложены в тексте диссертации, проводилось автором в течение трех лет. Оно выполнено в рамках

социального подхода к истории культуры, обогащенного исследовательским инструментарием таких направлений науки, как культурная география, историческая урбанистика, «новая локальная история», историческое краеведение.

В разделе «Актуальность темы» справедливо констатируется значимость изучения в региональном разрезе истории формирования культурного пространства в малых городах, что связано с перспективами социального развития российской провинции. В историографическом разделе анализируется степень изученности различных аспектов избранной автором темы, а также смежных с нею и более масштабных научных сюжетов. Круг использованной исследовательской литературы гораздо шире заявленной автором номинации («Все выявленные нами исследования, посвященные истории и культуре малых городов Среднего Прииртышья...»). На самом деле к анализу привлечены также теоретико-методологические труды, работы по истории городов Европейской России, больших городов Сибири, по истории советской культуры, и это позволяет автору рассматривать предмет исследования в широком хронологическом, территориальном и проблемном контексте.

Не вызывают принципиальных возражений выделенные автором объект исследования, его цель, задачи, территориальные рамки и хронологические границы. В то же время в соответствующих разделах введения обнаруживается ряд недостаточно продуманных формулировок и допущенных по невнимательности ошибок. Не ясно, как понятие «*формирование* культурного пространства», фигурирующее в названии диссертации и определении предмета исследования, соотнесено в формулировках ряда исследовательских задач с понятиями «*изменение*» и «*развитие*» этого пространства и его элементов. Считает ли автор, что *формирование* культурного пространства городов есть генерализующий процесс, включающий в себя *и изменение, и развитие, и трансформацию* этого пространства, его элементов? Думает ли автор, что в 1920–1980-х гг. именно *формировалось*, а не развивалось или трансформировалось (много ценного при этом теряя) в соответствии с новыми

идеологическими установками культурное пространство таких старых городов с богатой историей, как Тара и Тюкалинск? Почему только в «Положениях, выносимых на защиту», и в «Заключении» к диссертации появляются понятия *складывание* и *насыщение* культурного пространства, как они соотносятся с теми понятиями, которые используются в постановочной части работы? Как в цели исследования понятие «формирование культурного пространства» (в условиях советских городов) соотносится с понятием «строительство социалистической культуры»? Что такое «опорные элементы инфраструктуры культурного пространства», и какие еще элементы его структуры выделяет автор? Кто и каким образом выделил «начальный и завершающий этапы формирования советского культурно-цивилизационного ландшафта», применительно к малым городам Среднего Прииртышья? Такое выделение – это одна из *исходных теоретических позиций* исследования или один из *новых научных результатов*, полученных в ходе диссертационной работы?

Как уже было сказано, работа Е.В. Соколовой имеет достаточно добротную методологическую и методическую основу. Она включает в себя следование принципам историзма и системности, использование конкретных научных методов, как традиционных для истории, так и заимствованных из смежных областей гуманитаристики. В методологический инструментарий органично внесены определения ряда ключевых терминов и понятий, что делает работу автора продуктивной, а текст диссертации – более «прозрачным». Однако в этой части, как нам представляется, следовало бы информировать читателей о том, из какого определения *социальной культуры* исходит автор. Почему она в диссертации вовсе не касается народной культуры или хотя бы некоторых из ее элементов (соционормативной, строительно-архитектурной, санитарно-гигиенической, педагогической культуры, народного художественного творчества и пр.)? Принятые автором определения культурного пространства, культурного ландшафта вроде бы подразумевают, что все это нужно принимать в расчет при изучении заявленной темы. Задумав «раскрыть роль библиотек, музеев, *образовательных учреждений*», почему в своем исследовании автор не

рассматривает роль *общеобразовательных школ* в процессе формирования культурного пространства малых городов? Неужели он считает, что такие школы не внесли важного вклада в развитие городской культуры? Складывается впечатление, что над автором довлеет представление о культурной среде как совокупности учреждений, находящихся в ведомстве Министерства культуры. И еще один теоретический момент. Автор исходит из представления, что историко-культурная модель изучения пространства города «может иметь» только макроуровень (при исследовании глобальной истории) и микроуровень, актуальный для локальной истории. Мне представляется, что можно выделить еще промежуточный мезоуровень, когда рассматривается пространство городов в масштабах страны или крупного региона, такого, например, как Сибирь.

Оппонируемая диссертация имеет неплохую источниковедческую основу. Она составлена автором из разнообразных по происхождению и форме отражения информации письменных источников, а также визуальных и картографических материалов. Источники автором систематизированы и подвергнуты довольно квалифицированной обработке, что позволило извлечь из них необходимую для решения поставленных задач информацию. Однако классификация источников, проведенная во «Введении» к диссертации, по ряду позиций весьма уязвима. Во-первых, диссертантка реально знакомилась в малых городах Прииртышья с городской застройкой – с архитектурно-планировочными комплексами, в немалой своей части созданными именно в 1920–1980-х гг. и сохранившимися до наших дней. Она сделала фотографии элементов городской застройки и далее использовала в качестве исторических источников именно *фотографии*, но сами *архитектурно-градостроительные комплексы* не восприняла как особый тип источников с богатыми возможностями их применения (замечу, что не использован и потенциал устных источников). Во-вторых, нелогичным выглядит выделение периодической печати как особого вида письменных источников, при том, что газетные фотоматериалы отнесены к визуальным источникам. Последовательно

идя по этому пути, нужно было опубликованные в периодике законы и административные акты, статистические данные, документацию отчетного характера относить к соответствующим группам письменных источников, специально выделенных автором (возможно, публиковались в периодике и источники личного происхождения). В-третьих, первую из выделенных диссертанткой группу письменных источников следует именовать не «законодательными», а «законодательными и нормативными актами», поскольку, например, постановления исполкомов районных советов никак не могут быть отнесены к законам – это административные акты. Хотелось бы, чтобы и в источниковедческом разделе введения, и далее в основной части текста автор нашел возможность представить читателю свою исследовательскую лабораторию – приемы работы с источниками, особенно с теми, что пока нечасто используются историками – визуальными (фотографиями) и картографическими.

Основная часть диссертации Е.В. Соколовой по структуре и содержанию в основном соответствует представленному во «Введении» замыслу. В тексте мы находим богатый фактический материал, совокупность теоретических выводов и положений, характеризующих складывание и развитие архитектурно-градостроительной среды, формирование сети учреждений, специально сориентированных на участие в создании и трансляции культурных ценностей советского типа, а также вклад конкретных людей, организаций и учреждений в культурное строительство. Наиболее значимыми для науки, при этом достаточно хорошо аргументированными, обоснованными и достоверными можно считать положения: 1) о росте численности и в целом позитивной исторической динамике структуры учреждений и объектов культуры в малых городах Среднего Прииртышья – Таре, Тюкалинске, Исилькуле, Калачинске и Называевске в годы советской власти; 2) о наличии как общих черт, так и групповой специфики (в группах «старых» и «молодых советских» городов), а также индивидуальной уникальности 70-летнего процесса формирования и развития культурного пространства в избранной для рассмотрения

совокупности малых городов (в диссертации охарактеризованы в конкретно-историческом плане и то, и другое, и третье); 3) о преемственности и в то же время существенных различиях двух этапов истории культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья, охватывающих 1920 – начало 1950-х гг. и 1950–1980-е гг.; 4) об «односторонности» процесса формирования и развития культурной среды, заключающейся в безусловном доминировании политических и идеологических целей этого развития, которые накладывали неизгладимый отпечаток на способы и результаты культурного строительства, делали его в ряде отношений не столь продуктивным, как это могло бы быть в иных условиях; 5) о важной роли и продуктивности активных усилий городской общественности и отдельных горожан в формировании и совершенствовании местной культурной среды.

В диссертации имеется немало и других, весьма интересных, новых и теоретически значимых положений. В то же время она имеет существенные недостатки и недоработки. О некоторых из них упоминалось выше, здесь хотелось бы сказать еще о следующем. Важнейший итог квалификационно-научной работы – положения, выносимые на защиту. В данном случае некоторые из положений сформулированы небрежно, они не вытекают непосредственно из содержания диссертации, требуют или разъяснений, или дополнительной аргументации. Почему мы можем считать именно пять малых городов Среднего Прииртышья «определенной территориально-локальной общностью», если те черты этой «общности», которые выделяет автор, были присущи и множеству других малых городов России, в том числе в пограничных со Средним Прииртышьем регионах? Положение о том, что «трансформации культурного пространства города в XX в. существенно влияют на историческую память и ценностные ориентиры горожан», вероятно, по существу и правильное, не может рассматриваться как вывод по оппонируемой диссертации, ведь в задачи автора не входило изучение состояния *исторической памяти и ценностных ориентиров* горожан. Далее утверждение, что специфика малого города способствовала меньшей деформации этой самой

исторической памяти и ценностных ориентиров под влиянием советской идеологии, чем в городах крупных, тоже «повисает в воздухе», потому что сравнительного изучения ситуации в малых и крупных городах автор не проводила.

Однако имеющиеся недостатки и упущения не определяют общую оценку исследования Е.В. Соколовой. Диссертация является завершенной и самостоятельной научно-квалификационной работой, в ней в целом успешно решены задачи, имеющие существенное значение для региональной истории России.

Крупницкий Д.В. Чтение старшеклассников и роль школьной библиотеки в его организации в современных социокультурных условиях: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03: защищена 23.12.08. Новосибирск, 2008.

Диссертация Д. В. Крупницкого посвящена вопросам, актуальным в научном и общественном отношении. В современных условиях развития мировой цивилизации, в том числе в условиях России, кардинально изменяется роль чтения и других атрибутов книжной культуры в социализации подрастающих поколений, в подростковой и молодежной субкультуре, в образе жизни школьников и студентов. В соответствии с этим изменяется социокультурная и педагогическая роль библиотек в жизни представителей молодого поколения россиян. Теоретики и практики педагогического и библиотечного дела по большей части обескуражены тем, что молодые люди мало читают, относительно редко пользуются услугами публичных, школьных и даже домашних библиотек, сузился репертуар их чтения и, как следствие, культурный кругозор. Специалисты констатируют, что в известной степени функцию библиотеки как организационной формы книжной культуры взял на себя Интернет, но не склонны признавать за этим достижением прогресса права на вытеснение чтения в книжном формате. Изучению указанных социокультурных процессов и явлений, описанию успешного опыта деятельности ряда библиотек в изменившихся условиях были посвящены

определенные работы книговедов и педагогов, результаты которых представлены в научной и массовой печати, но до сих пор не проводилось специального углубленного исследования проблем чтения старшеклассников в крупных сибирских городах и роли школьных библиотек в его организации и оптимизации.

Диссертационное исследование Д.В. Крупницкого призвано было заполнить досадную лауну в наличном педагогическом и библиотековедческом знании, предложить весьма необходимые практические рекомендации для библиотекарей, школьных учителей и администраторов, а также для самих старшеклассников и их родителей. Скажу сразу, что автор диссертации с такой ответственной и непростой задачей, к сожалению, не справился. Рецензируемая диссертация не является самостоятельной, цельной и завершенной научно-квалификационной работой, написанной по результатам успешно проведенного научного исследования. Далее я привожу аргументацию своего достаточно категоричного вывода.

Исследование должно начинаться с постановки научной проблемы, которая порождается обнаруженным автором неким существенным противоречием (например, противоречием между потребностью совершенствования педагогических аспектов деятельности определенного социокультурного института и слабой изученностью закономерностей функционирования этого института, каналов его влияния на социализацию личности). Диссертант во «Введении» вообще не формулирует исходную проблему как таковую. При желании можно принять за попытку такой формулировки последний абзац раздела «Актуальность темы», но содержание его крайне невнятно. Говорится, что в литературе «нет четкого представления о системе работы школьной библиотеки», но из текста не ясно, о чем речь: об отсутствии такого представления в библиотековедческой теории (какой системе следует быть), или в наличном знании о реальной деятельности библиотек (как «система» сейчас выглядит, что она собой представляет на практике). Здесь же заявлено об актуальности создания «определенного алгоритма действия системы»

работы школьной библиотеки, но к чему это обязывает автора, остается не проясненным.

Раздел введения «Степень изученности проблемы» (именно так он называется, хотя никакой проблемы не сформулировано) представляет собой перечисление, в лучшем случае, с элементами аннотации, некоторых из имеющихся исследований по заявленной теме и смежным вопросам. Автор не потрудился объяснить, по какому принципу выбрана и сгруппирована перечисляемая литература, какие вопросы темы в ней нашли достаточно полное отражение, какие, будучи поставленными, адекватного решения пока не нашли, какие вопросы вовсе не ставились специалистами ранее. «Степень изученности» темы исследования, таким образом, читателю не представлена, и не понятно, на какой наличной исследовательской базе строит диссертант свою работу.

Далее во «Введении» появляется раздел «Источниковая база диссертации», но как можно даже не анализировать, а просто выявлять, отбирать источники, пока не определены цель и задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования? Логика построения текста диссертации должна отражать логику исследовательского поиска, но это требование не соблюдается в оппонируемой диссертации. Классификация источников, примененная автором, несостоятельна. Например, выделение 4-й группы источников («Материалы архива управления образованием») не согласуется с тем, что помещенные сюда «приказы по учреждениям образования», несомненно, являются «официальными документами», для которых предназначена 1-я группа источников. И в 3-й, и в 4-й группах обнаруживаются «библиотечная статистика» и «статистическая документация». «Публикации по исследуемой теме» (3-я группа источников) – вообще неизвестно что. Никакого анализа использованных источников в диссертации не содержится.

Неприятно поражает отсутствие и во введении, и в основной части текста диссертации самых элементарных сведений о тех социологических опросах, которые проводились автором для выяснения читательских интересов

новосибирских старшеклассников, а также их родителей и педагогов. В каких конкретно школах осуществлено анкетирование, как оно было организовано, какое количество респондентов опрошено, как строились выборки, насколько они репрезентативны, как дифференцировался опрошенный контингент? Непонятно даже, когда проводились опросы: во введении говорится о 2004 и 2006 гг., а в первой главе приводятся данные, полученные во время неких опросов в 2003 и 2005 гг.

Не менее важный вопрос: проводилась ли во время исследования какая-либо экспериментальная работа. В диссертации и автореферате нет следов проведения ни диагностического, ни формирующего, ни констатирующего (итогового) эксперимента, что для исследования по педагогическим наукам можно считать нонсенсом. Получается, что все авторские выводы и положения, в том числе важнейшие, выносимые на защиту, есть результат «теоретизирования». Как можно претендовать на разработку каких-то педагогических рекомендаций, тем более на их внедрение в школьную практику, если результаты теоретизирования не прошли экспериментальной проверки?

Впрочем, о методологической основе и методах исследования я позже еще скажу. Вернемся к «Цели исследования» – она сформулирована крайне неоперационально, неохватно для локального исследования. Что подразумевает «определение места чтения в жизни старшеклассников и роли школьных библиотек в его организации»? Что понимается под «жизнью» старшеклассника (его повседневное поведение, его социализация, его познавательная деятельность, становление его личности или еще что-то?), какая может быть у чтения роль «в жизни вообще»? Жизнь человека, в том числе и старшеклассника, бесконечно богата и разноаспектна, на нее оказывает влияние огромное количество факторов, и в этом безграничном поле любой исследователь в конкретной своей работе может преследовать только цели, адекватные возможностям его науки и доступные ему лично.

Из четырех задач исследования две сформулированы вовсе некорректно: не может быть научной задачей что-то «проанализировать» или «изучить», ожидаемый результат «изучения» или «анализирования» здесь не прояснен. Последняя задача – «разработать алгоритм взаимодействия администрации учебного заведения и школьной библиотеки в учебно-воспитательном процессе» оставляет за бортом исследования взаимодействие в процессе чтения старшеклассника, его родителей и педагогов. И – что такое «алгоритм взаимодействия»? В педагогике существует более адекватный термин – модель взаимодействия. Именно *оптимальную модель* взаимодействия (она могла быть выражена в графической, словесной или иной форме) требовалось в данном случае разработать, научно обосновать, апробировать и рекомендовать к внедрению, чего автор, к сожалению, не сделал.

Объект и предмет исследования в авторской формулировке не соотнесены друг с другом, а также с темой диссертации. Научоведы рекомендуют в название работы выносить предмет исследования, в данном же случае в первой своей части предмет уже формулировки темы, во второй же части – существенно шире ее. Вторая часть предмета – «факторы, влияющие на процессы чтения» старшеклассников – шире даже объекта исследования («педагогическая и семейная среда, определяющая формирование познавательной и читательской деятельности учащихся старших классов»), что в грамотной работе недопустимо.

«Географические рамки» исследования, как они определены диссертантом, – 29 школьных библиотек (неизвестно, в каких конкретно школах) в двух левобережных районах Новосибирска. Во-первых, школьные библиотеки странно рассматривать в качестве географических объектов. Во-вторых, и это самое главное – в диссертации обойден вопрос о том, в каких географических и поселенческих границах исследование, проведенное на такой территориальной и «учрежденческой» базе, автор считает репрезентативным. Выводы и положения, сделанные на такой базе, можно распространить только на весь Новосибирск, или на все мегаполисы Сибири, или на все крупные российские

города? Фраза автора о том, что его труд «находится в русле регионального исследовательского проекта в рамках мегаполиса» только запутывает читателя. Впрочем, «распространять» в данном случае, собственно, и нечего.

Для успеха любой научной работы чрезвычайно важно грамотно сформировать ее теоретическую, методологическую основу, правильно выбрать и применить определенную исследовательскую методику. Раздел диссертации Д.В. Крупницкого, посвященный методологии и методике его работы, выглядит беспомощно. Здесь читатель не найдет методологических положений философского, общенаучного, конкретно-научного (педагогического и библиотековедческого) уровня, которые могли бы составить надежный фундамент исследования. Зато имеется абсурдное утверждение о том, что группа авторитетных библиотековедов (помещен список из 12 фамилий) якобы проследила закономерность «эволюции библиотековедения и педагогики как составных частей общего *социально-экономического* развития России» (курсив мой); это «достижение» и провозглашено «методологической основой» диссертации. Когда автор писал эти слова, он, очевидно, забыл, что в названии его диссертации заявлен не социально-экономический, а *социокультурный* контекст.

В методологическом разделе введения определены два понятия, «работающие» в исследовании – чтение и книга. В то же время ни здесь, ни где-либо в основной части текста нет определения понятий, ничуть не менее важных в контексте темы – читательские потребности, читательские предпочтения, читательские интересы, читательская деятельность, педагогическая и семейная среда, информационная культура... Я перечислил здесь только термины, использованные в постановочной части работы – в разделах о цели и задачах, объекте и предмете исследования. При чтении диссертации совершенно не ясно, в каком смысле автор употребляет эти и некоторые другие фундаментальные для работы понятия.

Недостаточная квалификация диссертанта обнаруживается при характеристике тех «специальных методов», которые он пытался применить.

Почему «наблюдение за работой библиотекарей» (кстати, ни один новосибирский библиотекарь в диссертации не назван) – это часть именно *социологического* метода? Почему «сбор данных, содержащихся в библиотечной документации», именуется *статистическим* методом? Применяя *метод системного анализа*, что автор выделил в качестве изучаемой системы, ее структурных элементов, ее функций и ее системообразующего фактора, в какую систему более высокого порядка он ее «встраивает»? Вообще, для чего и каким образом применен тот или иной метод? Ответов на такие вопросы в диссертации читатель не находит. Не видит он и ясных следов грамотного применения той или иной строгой научной методики для «добывания» достоверной информации, ее первичной переработки и ее добротной интерпретации с целью решения поставленных теоретических задач.

Главным результатом любого состоявшегося, успешно проведенного диссертационного исследования является совокупность надежно обоснованных научных положений, выводов и рекомендаций, которые свидетельствуют о приращении автором наличного научного знания и имеют определенную практическую ценность. Основные результаты работы, как правило, излагаются в «Заключении» к диссертации, а в наиболее сжатом, концентрированном виде – в формулировках положений, выносимых автором на защиту. Рассматривая с этой точки зрения диссертацию Д.В. Крупницкого, легко убедиться в ее несостоятельности.

Первое положение, выносимое на защиту, в начальной своей части бессодержательно, а в заключительной – голословно и недоказуемо. Чтобы доказать, что «для формирования читательских интересов особенно важен период учебы в старших классах», нужно провести *последовательное сопоставление* процесса формирования читательских интересов у школьников различного возраста, пояснив при этом, что понимается в данном случае под читательскими интересами, чего диссертант не делает. Утверждение о том, что именно «в 15–17 лет определяются характер, мировоззрение школьника, происходит развитие его духовных запросов» (в диссертации имеется и другой

вариант формулировки: «В 15–17 лет развиваются способности, определяется характер, мировоззрение») голословно. Указанные здесь характеристики личности в разных своих аспектах развиваются в течение длительного времени, не в пределах только двух указанных лет.

Во втором и третьем положениях, выносимых на защиту, нет никакой научной новизны. Все и так знают, что чтение любого человека, не обязательно старшего школьника, имеет две составляющих: иногда мы читаем, чтобы успешно выполнить какую-нибудь работу, а иногда – чтобы комфортно провести досуг. Очевидно на уровне здравого смысла, что формирование читательских интересов старшеклассников в той или иной степени зависит от влияния школьных педагогов и семьи. Краткие характеристики делового и досугового чтения – опять же не продукт авторского исследования, они имеются в литературе. Влияние педагогической и семейной среды вовсе не ограничивается тем, что она «создает ценностные ориентиры и дает психологическую установку на чтение», как пишет автор, представители этой среды могут, например, регламентировать репертуар чтения подростка и т. д.

Четвертое положение, выносимое на защиту, в той его части, где выделяются три «модели» школьных библиотек, заимствовано из диссертации Н.В. Крук «Модель современной школьной библиотеки» (Новосибирск, 2007), что признает и сам диссертант, делая соответствующую сноску. Последняя же фраза совершенно непонятна: что значит – «наиболее рациональная» модель школьной библиотеки? Она в наибольшей степени соответствует современным педагогическим требованиям (это нужно доказать)? Она лучше всего отвечает запросам школьников и педагогов (это тоже доказывать нужно)? Она идеально соответствует наличным финансовым и другим материальным, а также кадровым возможностям общеобразовательных учреждений? Тогда так и скажите, и подкрепите это утверждение соответствующими расчетами. Ничего этого не сделано, и потому защищать диссертанту, собственно, нечего.

Все сказанное выше доказывает, что авторская оценка диссертации, звучащая в разделах введения «Научная новизна и теоретическая значимость»,

«Практическая значимость», «Достоверность результатов исследования» и даже «Структура работы», а также в соответствующих разделах автореферата, не реалистична. Если непонятно, при каких теоретических допущениях, при каких понятийных смыслах высказываний, в каких территориальных рамках действительны те или иные выводы автора, теряет смысл разговор о теоретической и практической значимости и достоверности работы. Можно условно допустить, что немало из того, что пишет автор, значимо и достоверно для левобережья Новосибирска. Например, что в здешних семьях «лидерами» в чтении являются отцы, но влияние на чтение детей преимущественно оказывают матери; что старшеклассники посещают школьную библиотеку в среднем до 12 раз в год; что фонд художественной литературы в школьных библиотеках не пополнялся с 1992 г. Однако значимо ли и достоверно ли это для всех новосибирских старшеклассников, для школьников Омска, Красноярска или Москвы, наконец? Это автора не интересовало, ответов у него на такие вопросы нет.

Научные результаты диссертационного исследования Д.В. Крупницкого опубликованы в 11 статьях, которые представляют собой изложение отдельных сюжетов диссертации. Взятые по отдельности, они не дают адекватного представления о научном уровне диссертационного исследования в целом. Нет публикаций, цельно представляющих научный аппарат работы – ее замысел, место в научном контексте, методологическую и методическую основу. В автореферате диссертации имеются некоторые расхождения с содержанием диссертации. Так, в разделе «Практическая значимость» автореферата имеется упоминание о разработанных в процессе исследования рекомендациях по взаимодействию школьной библиотеки с педагогами и родителями в целях организации чтения старшеклассников, но в диссертации таких рекомендаций как цельного элемента текста (параграфа, раздела в конкретном параграфе) нет. Здесь же в автореферате говорится о том, что эти рекомендации внедрены в деятельность ряда общеобразовательных школ Новосибирска, но сведений об обстоятельствах такого внедрения в диссертации тоже не обнаруживается. В

разделе автореферата «Структура работы» говорится, что структура диссертации отражает «ключевые этапы» исследования, но этапы исследования в тексте диссертации не выделяются и не описываются. В автореферате утверждается, что в заключительной части работы изложены такие ее результаты, которые «позволят снизить остроту противоречий, возникающих между учащимися, преподавателями и родителями...». Непонятно, о каких противоречиях идет речь: в «Заключении» к диссертации о таковых вовсе не упоминается.

С учетом отмеченных выше особенностей и принципиальных недостатков диссертации можно сделать *общий вывод*: рецензируемая работа не в полной мере соответствует требованиям пунктов 8, 9, 20 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» применительно к кандидатским диссертациям. Она не содержит решения задачи, имеющей существенное значение для какой-либо отрасли знаний; не содержит совокупности новых научных результатов и положений, выдвигаемых автором для публичной защиты, не имеет внутреннего единства. Автором не предложено новых решений, строго аргументированных и критически оцененных по сравнению с другими известными решениями. В автореферате по существу не показаны вклад автора в проведенное исследование, не раскрыты адекватно степень новизны и практическая значимость результатов исследования.

Охотников А.Ю. Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социокультурной адаптации (1910–1960-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07: защищена 22.12.09. Новосибирск, 2009.

В своем диссертационном исследовании А.Ю. Охотников успешно реализовал непростой научный замысел: выделив две группы представителей российско-немецкого этноса (добровольно переселившихся в Северную, или Новосибирскую Кулунду в начале XX в. и насильственно депортированных сюда в 1941 г.), он охарактеризовал процесс их адаптации к местным условиям, протекавший в сложной обстановке.

Научная и общественная актуальность темы диссертации не вызывает сомнений. Действительно, пока недостаточно изученным (особенно в локальном аспекте) является беспрецедентный опыт приспособления больших групп европейского по происхождению этноса к сибирским природным, социальным и культурным реалиям, их выживания в обстановке массовых репрессий и последующих ограничений. Тема предоставляет возможность восполнить имеющиеся пробелы в истории: а) немецкого этноса и его многочисленной российской части; б) сибирского полиэтничного регионального сообщества, где немцы являются одним из наиболее крупных меньшинств; в) локального сообщества жителей Северной (Новосибирской) Кулунды. В обстановке неполной до сих пор реабилитации российские немцы нуждаются в «информационной поддержке» со стороны исторической и этнографической науки. Диссертация также призвана внести вклад в решение обсуждаемого в современном российском обществе вопроса об оценке роли советского государства в модернизации страны, в данном случае – в социокультурной модернизации сельских сообществ юга Западной Сибири.

Научное исследование проводилось Андрианом Юрьевичем в течение длительного времени – более 10 лет (первая публикация по теме была сделана автором в 1996 г.) и принесло весьма продуктивные результаты. Оно выполнено на основе этнологической и этнографической теории и методики с привлечением методов устной истории, в меньшей степени – социологии и психологии. Диссертация имеет все необходимые структурные элементы.

Во «Введении» справедливо констатируется значимость изучения российско-немецкой проблематики для полноценной интеграции этнических культур в единый российский социум. В историографическом разделе приняты во внимание существующие исследования по этнографической, этнологической, этнополитической, этнодемографической проблематике, а также работы аграрно-исторического и культурно-исторического характера. Широкий круг привлеченной к анализу исследовательской литературы позволяет автору рассматривать предмет исследования в достаточно широком

хронологическом, территориальном и проблемном контексте. В то же время в тексте «Введения» по существу не подведены наличные итоги научной разработки темы исследования: какие вопросы были поставлены учеными и уже имеют достойный ответ, какие, будучи поставленными, удовлетворительного ответа пока не получили, а какие вовсе не ставились до сих пор, хотя и требуют скорейшей разработки. Недостаточны замечания о существующих «предпочтениях» в науке, о том, что нечто изучено более полно, а чему-то уделено меньшее внимание. Конкретные формулировки цели и задач, объекта, предмета, хронологических и территориальных рамок своего исследования автором не выводятся из анализа состояния научной разработки темы, что следует признать недостатком диссертации.

В историографическом разделе имеются неточные положения. Публикации А.Р. Бетхера, В.Н. Шайдурова, посвященные хозяйственному устройству немецких колонистов в Сибири конца XIX – начала XX вв., не могли быть основаны на данных земской статистики, поскольку таковой в регионе не существовало. Исследования конкретных ученых вряд ли могли «позволить» или «сделать возможным» изучение отдельных аспектов темы (в диссертации в данном контексте названы труды С.Н. Андреевкова, Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, А.Н. Курочкина, П.Н. Поляна, в автореферате – Т.Б. Смирновой, Д.И. Ваймана и А.В. Черных). Они могли лишь стимулировать, облегчить, особым образом сориентировать исследования коллег, в том числе и самого диссертанта.

Сами по себе выделенные автором объект и предмет исследования, его цель, задачи, территориальные рамки и хронологические границы не вызывают принципиальных возражений. Однако некоторые моменты заслуживают здесь дополнительного обсуждения и уточнения. В науковедении считается нормой, когда в название научной работы выносится формулировка предмета исследования. В данном случае предпочтительным было бы название «Немцы Северной Кулунды: трансформация традиционной культуры в ходе социокультурной адаптации (1910–1960-е гг.)». Уязвимо принятое автором наименование немцев, переселившихся в Кулунду в начале XX в.,

«старожильческой» группой. Старожилами в Сибири обычно называли потомков тех выходцев из Европейской России, которые обитали здесь уже в нескольких поколениях или обосновались хотя бы до массовых миграций конца XIX – начала XX в. В разделе «Хронологические рамки» невятно обоснована верхняя хронологическая граница исследования – 1960-е гг. Во-первых, в тексте диссертации и автореферате изложены не совпадающие обоснования такого выбора. Во-вторых, именно к 1960-м гг. автор почему-то относит здесь *начало* перехода немцев Северной Кулунды «к нормам современной стандартизированной культуры», вхождения их «в культуру современных аграрных сообществ региона». Однако эта позиция противоречит методологии всей диссертации: уже при постановке исследовательских задач автор исходит из представления о том, что модернизация традиционного общества и культуры у российских немцев в Кулунде происходила на протяжении всего длительного периода 1910–1960-х гг.

Добротная теоретическая и методологическая основа диссертации включает в себя сочетание социологических теорий адаптации социальной группы к меняющимся условиям существования и модернизации традиционного общества. Теории эти в необходимой степени адаптированы к потребностям этнографического исследования, хотя не все детали этой адаптации прописаны в тексте диссертации. Задействованы также этнологическая концепция ротационного механизма изменчивости культур, наработки отечественной и зарубежной этнопсихологии. Весьма эффективно применены диссертантом методы сбора информации, собственно этнографические и устно-исторические: включенное наблюдение и интервьюирование с одновременной аудио- и фотофиксацией осуществлялись на протяжении 15 лет. Методы интерпретации данных, полученных в ходе полевой работы, также выбраны и продуктивно применены адекватно поставленным задачам и методологическим установкам, они достаточно разнообразны и обеспечивают потребности этнографического исследования, имеющего междисциплинарное значение.

Диссертация обладает надежной источниковедческой основой, обеспечивающей высокую степень обоснованности результатов исследования. Автором востребованы источники, разнообразные по происхождению, месту нахождения, форме кодирования информации. Обедненной выглядит только группа нормативных письменных источников, однако неплохая на сегодняшний момент известность законодательной и иной нормативной базы пребывания немецкой диаспоры в Сибири в некоторой степени оправдывает этот недостаток. Этнографические и исторические источники автором систематизированы и подвергнуты квалифицированному анализу, что позволило извлечь из них информацию, необходимую для решения поставленных в исследовании задач.

Основная часть диссертации А.Ю. Охотникова, состоящая из трех глав, по структуре и содержанию соответствует представленному во «Введении» замыслу. В тексте мы находим совокупность теоретических выводов и положений, характеризующих трудную судьбу локального сообщества российских немцев Северной Кулунды, их культуры в политических, экономических и природных условиях, пожалуй, самого трагического полувека российской истории. Значимыми для исторической науки, новыми, при этом достаточно хорошо аргументированными и достоверными можно считать положения:

- об успешной в целом социокультурной адаптации на севере Кулундинской степи группы переселенцев-колонистов столыпинской волны, что было обусловлено социально-экономическим и конфессиональным факторами, при том, что значительный ущерб был нанесен политическими и экономическими потрясениями периода Первой мировой и Гражданской войн, политики «военного коммунизма»;

- о своеобразном и жизнеспособном, хотя и несовершенном характере сибирско-немецкой материальной и духовной культуры, сложившейся в северно-кулундинских колониях к концу 1920-х гг., ориентированной на

ценности модернизации и долгое время остававшейся в коллективной памяти местных жителей образцовой;

– об устойчивости самобытной культуры немцев Северной Кулунды в сложных условиях сплошной коллективизации и «раскрестьянивания», при частичной модернизации некоторых ее элементов, преимущественно в среде молодежи;

– о негативном влиянии репрессий 1937–1938 гг. на хозяйство, демографическую сферу и культуру немецких колоний Северной Кулунды, обусловившем серьезную дезадаптацию остававшейся здесь (не эмигрировавшей) большей части немецкого населения;

– о противоречивости социокультурного потенциала сообщества немцев Поволжья (при наличии модернизированных элементов и частичной деструкции) в период, предшествовавший их депортации в Сибирь, о диссонансности этого потенциала, к тому же подорванного депортацией, и условий мест вселения в Новосибирской Кулунде;

– о высокой степени дезадаптации, оскудения и деструкции социума, экономики и культуры у немцев Северной Кулунды в условиях депортации из Поволжья, трудовых мобилизаций, конфискационных мер аграрной политики и дискриминационной национальной политики советского государства в 1940-х – начале 1950-х гг.;

– о частичной реализации немцами Новосибирской Кулунды в 1953–1964 гг., в условиях аграрной модернизации и неполной реабилитации, этногрупповых стратегий по возрождению и адаптации родной культуры;

– о значительном влиянии культуры славян-старожилов, опыта участия в промышленном строительстве на процесс социокультурной адаптации и модернизации социума северно-кулундинских немцев в 1950–1960-х гг.

В диссертации содержатся и другие, весьма интересные, новые и теоретически значимые положения. Самостоятельную и немалую ценность имеют подробные («насыщенные», по принятой автором терминологии) фактологические описания этнокультурной специфики и динамики немецких

сообществ Северной Кулунды, их взаимоотношений с государством и «принимающей» средой сибиряков.

Отмеченные мною выше недостатки и упущения не определяют общую оценку исследования А.Ю. Охотникова. Диссертация является завершенной научно-квалификационной работой, в ней решены задачи, имеющие существенное значение для этнографии Сибири, этнографии российских немцев. Диссертация «Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социокультурной адаптации (1910–1960-е гг.)» написана единолично, содержит совокупность научных результатов и положений, выдвигаемых автором для публичной защиты, имеет внутреннее единство и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Предложенные новые решения в достаточной степени аргументированы и критически оценены автором по сравнению с другими известными решениями.

Фактические материалы и теоретические положения диссертации найдут (и уже частично находят) отражение при создании обобщающих трудов историко-этнографического и социально-исторического профиля по истории Западной Сибири, а также монографий и музейных экспозиций по истории российских немцев. Они могут быть применены и уже частично применяются в образовательных курсах по этнографии Сибири и этнической истории России, историческому краеведению в высшей и средней общеобразовательной школе. Материалы диссертации могут стать опорой для практической краеведческой деятельности в юго-западных районах Новосибирской области.